

УДК 316.4+323.2

Социально-антропологический императив модернизации теории модернизации (Рассмотрение человеческого фактора в условиях модернизации немецкими и российскими учеными)**Добрякова Наталия Анатольевна**

Кандидат исторических наук,
доцент,
кафедра социально-политических наук,
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова,
194021, Российская Федерация, Санкт-Петербург, переулок Институтский, 5;
e-mail: doby1954@yandex.ru

Донин Александр Яковлевич

Кандидат политических наук,
доцент,
кафедра социально-политических наук,
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова,
194021, Российская Федерация, Санкт-Петербург, переулок Институтский, 5;
e-mail: alexander_donin@mail.ru

Аннотация

Теория модернизации общества включает в себя два основных идейных компонента: обеспечение прав человека и рационализацию общественной жизни. Первый компонент имеет задачей развитие личности, второй – формирование рациональных форм и способов деятельности. В конце XX века в странах Запада теория модернизации общества стала вызывать растущее разочарование. В первую очередь оно было связано с трудностью адаптации к слишком быстрым и многообразным социальным переменам. Это явление подтолкнуло ученых к переосмыслению темпорального режима Модерна. В центре их внимания оказалась проблема соотношения прошлого, настоящего и будущего в ходе модернизации. В результате были сформированы две темпоральные теории так называемого позднего Модерна: теория компенсации и теория памяти. Отношение к проблеме соотношения прошлого, настоящего и будущего будет иметь значение для процесса модернизации и в современной России. Однако более важной проблемой для успеха полноценной модернизации в нашей стране представляется проблема приемлемости для граждан социальной цены преобразований. Уважение к людям и развитие человеческого потенциала в ходе модернизации общества рассматриваются многими российскими учеными как необходимые условия реформ. Обеспечить это могут только демократические процессы и институты. В современном мире всесторонняя модернизация общества может быть успешной и прочной только при условии ее

направленности на реализацию интересов и потребностей личности. Ключевым компонентом и императивом развития теории модернизации, таким образом, становится социально-антропологическая проблематика.

Для цитирования в научных исследованиях

Добрякова Н.А., Донин А.Я. Социально-антропологический императив модернизации теории модернизации (Рассмотрение человеческого фактора в условиях модернизации немецкими и российскими учеными) // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 1А. С. 195-204.

Ключевые слова

Модернизация, рационализация, социальная антропология, темпоральный режим, развитие личности, общество, социально-политические процессы, демократия.

Введение

Теория модернизации общества, возникшая как средство перехода к обществу Модерна – идеалу социально-политического развития, рожденному лучшими умами европейского Просвещения, – может рассматриваться в разных аспектах. На наш взгляд, правомерно выделить два основных идейных компонента, определяющих сущность этой теории. Первый из них и основополагающий, имеющий нравственную природу и придающий идее модернизации универсализм, – это обеспечение прав человеческой личности. Второй, без которого также невозможно представить себе модернизационную концепцию, – рационализация общественной жизни. Оба эти компонента взаимосвязаны морально-этически, если рассматривать генезис феномена рационализации. Из рассуждений М. Вебера явственно следует, что рационализация жизни в Европе изначально основывалась на религиозно-нравственных принципах, среди которых добросовестность, ответственность, аккуратность. Идея рациональности коренится в признании протестантизмом того, что «главным и самым тяжелым грехом является *бесполезная трата времени*» [Вебер, 2006, 113]. Следование заповедям Бога, а не стремление к наживе любой ценой считалось обоснованием рационального, основанного на исчисляемости предпринимательства, поскольку человек воспринимался как «лишь управляющий благами, доверенными ему милостью Божией» [там же, 120].

Однако в современном обществе нравственная основа принципа рационализации забыта практически полностью. В общественном сознании рационализация воспринимается, по сути, как набор технологических приемов управления, часто имеющих, особенно в экономической сфере, антигуманную направленность. Поэтому модернизация, понимаемая только как рационализация, вызывает у людей отторжение.

На рубеже XX и XXI веков ученые – сторонники теории модернизации уделяют все большее внимание проблеме отношения людей к модернизационным процессам. Становится все более очевидным, что теория модернизации обеспечит себе жизненность и привлекательность только в том случае, если предлагаемые ею рецепты реформ будут опираться не на голую рациональность, а на ее нравственный компонент, учитывать потребности и культурные ориентации людей, их представления о справедливости. Анализу социально-антропологического фактора в контексте модернизации общества и посвящена данная статья.

Теория модернизации перед лицом идейных вызовов

Впервые идея модернизации была поставлена под сомнение в конце XIX века. Ее отрицание исходило, прежде всего, со стороны Ф. Ницше, философия которого, выявив кризисные элементы развития западной цивилизации, содержала в себе фактически полное отрицание гуманистические идеалов эпохи Просвещения и общепринятых тогда в наиболее развитых странах (хотя и с различными вариациями) целей исторического развития. Но воззрения Ницше в силу их крайней элитарности, эпотажности и нечеткости не могли стать серьезной научно-идеологической альтернативой теории модернизации.

Во второй половине 40-х годов XX века с критикой идеологии Просвещения выступили представители Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно в книге «Диалектика просвещения». В ней эти ученые возложили на нее вину, хотя и косвенную, за многие крайне негативные явления и процессы социальной реальности, в том числе, за приход нацистов к власти в Германии. Ход рассуждений Хоркхаймера и Адорно был в целом таков: Просвещение имело своими главными задачами победу разума, овладение человеком стихийными природными силами и уничтожение господствовавших над людьми религиозных мифов. Но добившись успехов, идеология Просвещения породила упрощение и стетереотипизацию мышления, что привело к разрушительному воздействию человечества на природу, вызвало к жизни новые мифы, угрожающие людям порабощением.

Однако теория модернизации общества, представлявшая собой относительно целостную концепцию вестернизации, а после окончания Второй мировой войны – фактически концепцию американизации остального мира, в целом безболезненно проигнорировала критику из неомарксистского лагеря.

Перед лицом действительно серьезного кризиса теория модернизации оказалась на рубеже 60-х – 70-х годов XX века. В этот период было обращено внимание на то, что внутри Западного мира имеются существенные различия в путях и результатах развития отдельных стран. Например, в странах Скандинавии, в отличие от практически всех других западных стран, при переходе от традиционного общества к современному обществу не было гражданских войн и революций как актов, четко очерченных во времени и имевших насильственный характер. Если в США и Великобритании сформировалась модель развития, для которой были характерны опора на частный бизнес и минимализация функций государства, то модель, присущую Франции, отличали государственный дирижизм и централизация власти. Тема различий стран Запада друг от друга подтолкнула часть обществоведов к отказу от теории модернизации, поскольку она тогда предвещала в будущем становление однородного мира, а для другой части ученых явилась стимулом для переосмысления этой теории.

Чуть позже появилась и заняла важное место в идейных дискуссиях политико-мировоззренческая критика теории модернизации в форме различных концепций постмодернизма. По словам Ю. Хабермаса, термин «постмодернизм» «усвоили два противоположных лагеря: с одной стороны, *неоконсерваторы*, которые хотели избавиться от мнимо подрывного содержания «враждебной культуры» в пользу воскрешения традиций; с другой стороны, те радикальные *критики роста*, для кого новое строительство стало символом учиненного модернизацией разрушения» [Хабермас, 2005, 33-34]. В результате быстрого распространения постмодернистских воззрений, среди части ученых возникли сомнения в актуальности теории модернизации и идеи общества Модерна. Однако идейные основания последних подорваны не были.

Анализ социально-антропологических проблем модернизации общества в немецкой науке

Наиболее сложные проблемы перед теорией модернизации поставило охлаждение к модернизации широких слоев общественности в западных странах, ставшее весьма заметным в первой половине 80-х годов прошлого века. Главной причиной этого процесса стало то, что быстро происходящие перемены в жизни часто начали восприниматься людьми как нечто лишаящее их привычных основ существования и как нечто пугающее. К таким переменам следует отнести необходимость постоянного обновления личностных знаний и компетенций, происходящие под флагом рационализации производства сокращения персонала предприятий, быстрый наплыв мигрантов – носителей иных культурных ценностей, разрушение привычной среды обитания, обострение экологических проблем. В результате под вопросом оказалась длительное время присущая концепции модернизации идея линейного прогресса. Немецкий автор Алейда Ассман, возможно, излишне категорично, в этой связи отмечает: «Сегодня уже никто всерьез не считает прогресс объективным смыслом исторического процесса; скорее, прогресс приобрел характер некой антропоморфной фикции» [Ассман, 2017, 53]. Со ссылкой на Экхарда Воланда и Эрнста Майера А. Ассман пишет о том, что представление о линейном течении времени и идея прогресса являются для мозга полезными конструкциями, помогающими человеку в решении жизненных проблем, давая ему чувство целенаправленности действий [см.: там же, 53-54]. Но, поскольку люди в растущей степени начали переставать связывать свои положительные ожидания с предлагаемым им концепцией модернизации будущим, традиционное антропологическое обеспечение модернизации стало ослабевать.

В сложившихся условиях в западной науке начались поиски нового понимания модернизации, которое соответствовало бы изменившимся настроениям людей. Новые интерпретации модернизации часто основываются на переосмыслении темпорального режима Модерна, то есть на новом понимании соотношения прошлого, настоящего и будущего в процессе социальных преобразований и на оценке допустимой скорости преобразований. А. Ассман выделяет две теории, по-новому трактующие динамику преобразований: теорию компенсации и теорию памяти. Первая из этих теорий разрабатывается философами либерально-консервативного направления Йоахимом Риттером, Германом Люббе и Одо Марквардом. По словам А. Ассман, вклад в дискурс о времени этих ученых «сосредоточен на центральных оппозициях: ускорение и замедление, инновация и антиквизация (устаревание, становление прошлым, отнесение к прошлому), обновление и сохранение. Однако данные оппозиции уже не воспринимаются – как это было на стадии раннего Модерна – в виде антагонистических начал, каждое из которых может реализоваться, лишь одолев свою противоположность» [там же, 167-168], а «рассматриваются в их диалектически напряженной взаимосвязи» [там же, 168]. Смысл теории компенсации состоит в том, чтобы, не отвергая свойственную Модерну динамику ускорения, создавать в процессе социального развития замедления, «ниши неподвижности» с тем, чтобы сделать условия развития приемлемыми для людей, теряющихся перед лавинообразно происходящими новациями. А. Ассман пишет: «Авторы теории компенсации не задаются вопросом о дефицитах, несправедливостях, опасных асимметриях, свойственных темпоральному режиму Модерна и ведущих к высоким материальным и человеческим издержкам. Их больше занимает мысль о том, как согласовать темпоральный режим Модерна с потребностями человека» [там же, 168]. Следует подчеркнуть, что в работах авторов теории компенсации речь идет о необходимости придать теории

модернизации обоснование именно с позиций человеческих потребностей, в то время как научно-технический компонент цивилизации не нуждается ни в каких замедлениях, он неудержимо влечет человечество вперед.

Вторая теория позднего Модерна – теория памяти, сторонником которой является А. Ассман, – отличается от теории компенсации, прежде всего, отношением к прошлому. Согласно теории компенсации прошлое, с одной стороны, ушло безвозвратно, но, с другой стороны, продолжает жить в виде традиций или обычаев, обеспечивая замедление изменений социальной реальности. Согласно же теории памяти прошлое не исчезает, оно постоянно переосмысливается в новом социальном контексте. Как пишет А. Ассман, при таком подходе «прошлого как такового вообще не существует; в качестве ушедшего, исчезнувшего и утраченного оно всегда может быть возвращено, предъявлено и сохранено» [там же, 193]. При этом толкование прошлого «подразумевает не компетенцию специалистов, а первичную, необходимую и неизбежную деятельность человеческого разума» [там же]. Особенно важными объектами переосмысления являются спорные, травматические исторические события.

Теория памяти объективно способствует гибкому развитию коллективной идентичности общества. Она объясняет и оправдывает поворот интереса значительной части людей на Западе от будущего к прошлому. Однако будущее не отбрасывается теорией памяти. Оно, как и прошлое, согласно ей, должно быть частью настоящего.

Чрезмерное внимание к прошлому может способствовать перегрузке сознания человека так же, как и необходимость адаптации к лавинообразным переменам. При отсутствии идеала будущего продуктивные дискуссии о прошлом едва ли возможны. Необходимый для ориентации в прошлом идеал будущего сформулирован, хотя и в разной форме, основоположниками идеологии общества Модерна. Он состоит в ориентации на развитие человеческой личности, на обеспечение прав и свобод человека. Принятие этого идеала и делает возможным продуктивный и относительно комфортный анализ прошлого, освобождая личность от ненужных идейных метаний.

Что же касается вопроса о том, какая из двух рассмотренных теорий темпорального режима Модерна более соответствует потребностям людей, то ответ следует искать в особенностях состояния общественного сознания в конкретном социуме, от того, в большей или в меньшей степени граждане готовы к модернизационным переменам. В целом же обе эти теории делают теорию модернизации более гибкой, способной моделировать будущее исходя из адаптивных возможностей людей, а не только на основе абстрактного идеала.

Российские ученые о социально-антропологическом факторе модернизации

В современной России, в случае ее перехода к полноценной модернизации, на первом месте по важности окажется не проблема соотношения прошлого, настоящего и будущего, а проблема социальной цены преобразований. Это обусловлено тем, что проведенные под либеральными лозунгами экономические реформы 90-х годов прошлого века привели к снижению качества жизни большинства россиян.

В условиях отрицательного отношения преобладающей части граждан России к радикальным экономическим преобразованиям представляется неприемлемой с социально-антропологической точки зрения позиция Е.Ш. Гонтмахера, по словам которого «модернизация прежде, чем она принесет свои плоды, потребует значительных издержек – роста безработицы, падения доходов населения» [Гонтмахер, 2009, 74].

По нашему убеждению, новые тяготы на десятилетия отвратят россиян от любых прогрессивных преобразований. Поэтому успешная модернизация России в будущем должна быть максимально адаптирована к потребностям людей.

Кстати, гайдаровские реформы можно назвать модернизационными лишь частично. Многие российские авторы констатируют их отрицательное воздействие на технологическую составляющую экономики и на социальную сферу. Например, С.А. Ланцов пишет, что вызванные этими преобразованиями глубокий экономический спад и разрушение значительного числа имевшихся структур и институтов означали «фактическую демодернизацию некоторых сфер общественной жизни» [Ланцов, 2017, 15]. В результате в настоящее время перед Россией стоит двуединая задача завершения индустриальной модернизации и проведения постиндустриальной модернизации.

Проблема соотношения прошлого, настоящего и будущего, хотя и не является, на наш взгляд, первостепенной для реализации модели российского Модерна (к сожалению, в настоящее время гипотетической), все же имеет существенное значение. В последние годы в России среди значительной, а возможно и преобладающей части общества широко распространились консервативные умонастроения. При этом отечественная историческая тематика стала предметом постоянных обсуждений и споров. Характерной для людей, осторожно относящихся к новациям, но не чуждых идеям модернизации представляется точка зрения И.А. Федорова. Он пишет: «Действительная модернизация общества и государства может начинаться только с безусловного уважения к своей стране, ее истории, свершениям ее народа; она должна начинаться с обретения *чувства собственного достоинства*, без которых любые начинания бесплодны» [Федоров, 2016, 10]. На фоне таких, вполне оправданных рассуждений представляется почти бесспорным, что развитие общественного сознания в условиях модернизации, по крайней мере, на начальных стадиях, в России будет проходить по схеме, предложенной вышерассмотренной теорией памяти.

Необходимость антропологического измерения будущей модернизации в России и в плане ее социальной цены, и в темпоральном аспекте, и в контексте международной политики отмечается многими авторами. Так, В.И. Толстых пишет: «Растет осознание того, что в условиях глобализации «самосохранение» приобретает особую ценность, нуждается в уважении и поддержке, не боясь привычных упреков и обвинений в консерватизме, архаизации, национальной узости. Все больше людей начинают связывать с модернизацией цели и потребности не просто выживания, а дальнейшего развития жизни и своей личности» [Толстых, 2014, 143].

Рассматривает модернизацию как фактор развития личности и один из патриархов отечественного обществознания Ю.А. Красин. По его мнению, с которым в целом можно согласиться, начиная с 90-х годов прошлого века «дегуманизация общества в России – едва ли не ведущий тренд ее развития» [Красин, 2015, 39]. В условиях этого тренда «идеалы, благородные устремления, одухотворенность как высшая ценность культуры улетучиваются из общества. Исчезают маяки нравственности, бескорыстного служения общему благу, подрываются устои человечности. Отношения между людьми пытаются загнать в один гипертрофированный рынок. Творческий индивид в такой среде не востребован, он задыхается» [там же, 40]. Главным препятствием для перехода к инновационной модернизации, или к инновационному типу развития Ю.А. Красин считает позицию российской элиты. Он пишет: «Абстрактно-теоретически она хотела бы включиться в мейнстрим инновационной модернизации, но, опасаясь за монополию на власть, противодействует ее главной

составляющей – раскрепощению и свободному развитию человеческого и социального капитала» [там же].

Для перехода России к инновационному пути развитию Ю.А. Красин считает необходимым осуществить комплекс мер, имеющих целью комплексное совершенствование личности и общества. К ним относятся: обеспечение достоинства, свободы и прав личности в обществе; развитие и преобразование исторически сложившихся систем и методов социализации личности в направлении раскрепощения творческих способностей; восстановление и подъем роли науки в обществе; переосмысление содержания и функций гуманитарного знания; демократизация политической системы и всего общественного устройства российского социума.

В условиях, когда большинство населения страны настроено конформистски и поддерживает правящую элиту, основными средствами, способными подтолкнуть Россию к началу полноценной модернизации, в которой страна объективно нуждается, Ю.А. Красин считает активность сетевых социальных движений, инициативу неравнодушных личностей. Идейной основой модернизации как общемирового процесса, по его убеждению, должна стать *метаидеология нового гуманизма* – синтетическая идеология, опирающаяся на исследования реальности.

По мнению В.В. Загладина, готовность низов российского общества к модернизационным процессам возможно даже выше, чем у верхов. Он пишет: ««Ломать», «преодолевать» сопротивление инертных, не желающих перемен многомиллионных масс или использовать методы «шока» нет необходимости. Вполне достаточно современных приемов информационного воздействия, хотя не исключено, что осознание необходимости перемен владеет массами даже больше, чем правящей элитой» [Загладин, 2010, 32]. На наш взгляд, данная точка зрения адекватно отражает ситуацию в современной России.

В политическом плане модернизация общества предполагает переход к демократии, хотя ее начальные этапы могут начаться в условиях авторитаризма и осуществляться авторитарными методами. Однако последовательность и прочность модернизационным процессам может обеспечить только использование демократических процедур. По словам Т.Е. Ворожейкиной, «попытки проводить консервативную модернизацию, сводящуюся лишь к ускоренному развитию отдельных отраслей, ведут к росту напряженности, конфликтности в обществе» [Ворожейкина, 2010, 5]. При отсутствии контроля со стороны гражданского общества «правящие круги получают возможность социального экспериментаторства и проведения политики, удовлетворяющей лишь привилегированное меньшинство» [Григоркина, Донин, 2005, 3].

На основании приведенных точек зрения можно говорить о том, что учет адаптационных возможностей людей и целых народов к модернизации общества ныне оценивается в отечественных научных кругах в качестве важнейшего фактора ее успешного осуществления. Успех модернизации, таким образом, обуславливается тем, будут ли средства ее достижения и цели соответствовать потребностям граждан, открываются ли для них в результате реформ положительные перспективы.

При проведении модернизации необходимо учитывать ряд взаимосвязанных факторов: социальную цену преобразований для различных социальных слоев и групп; темпоральный режим преобразований, определяемый культурными и религиозными традициями, а также спецификой состояния общественного сознания людей в условиях современности; отношение граждан к влиянию международной среды.

В современной России социальная структура общества является в горизонтальном срезе подвижной, культурные традиции многообразны, а идеологические представления граждан не по всем вопросам определены. Поэтому ключевое значение для поддержки гражданами модернизации в России, по мнению авторов данной статьи, будут иметь создание более справедливой системы распределения материальных благ и смягчение экономического неравенства. Осуществить это представляется возможным лишь при условии демократизации общественной жизни на всех уровнях.

Заключение

Концепция модернизации общества за последние примерно четыре десятилетия претерпела эволюцию в сторону признания многообразия моделей модернизации и модернизированных обществ. Это стало возможным, не в последнюю очередь, благодаря признанию исключительной важности социально-антропологического фактора для успешного осуществления модернизации общества. Суть социально-антропологической проблемы в контексте модернизации состоит в поисках путей раскрытия всего потенциала людей и социумов и в предоставлении им максимально возможной свободы для саморазвития. О таком векторе развития человечества мечтали И. Кант, Г.-В.Ф. Гегель и другие великие мыслители эпохи Просвещения. Не будет ошибкой сказать, что ныне анализ социально-антропологических предпосылок модернизации стал необходимым условием и императивом для развития теории модернизации.

В начале XXI века внимание к социально-антропологической проблематике позволяет теории модернизации соединить идею прогресса с идеей развития человеческой личности, поддержать, тем самым, в идее прогресса гуманистический смысл. Оно также дает возможность этой теории сохранить свою целостность. В конечном счете, именно уважение к личности как совокупности универсальных и индивидуальных качеств способно обеспечить единство модернизации как всемирно-исторического и конкретно-национальных процессов.

Библиография

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 19-212.
3. Ворожейкина Т.Е. Иллюзии авторитарной модернизации // Модернизация, авторитаризм и демократия. Сборник материалов конференции. М., 2010. С. 5-6.
4. Гонтмахер Е.Ш. Заключительное слово // Модернизация, авторитаризм и демократия. Сборник материалов конференции. М., 2010. С. 74-75.
5. Григоркина И.И., Донин А.Я. Правовое государство и гражданское общество: история, теория, реальность. СПб., 2005. 36 с.
6. Загладин В.В. Авторитаризм, демократия и внешние факторы модернизации // Модернизация, авторитаризм и демократия. Сборник материалов конференции. М., 2010. С. 30-33.
7. Красин Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. № 1 (12). С. 34-59.
8. Ланцов С.А. К вопросу о технологическом содержании модернизационного процесса в современной России // Проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда: материалы XI региональной научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 14-17.

9. Толстых В.И. Какая модернизация России нужна и какая возможна? // Консолидация и модернизация России. М., 2014. С. 134-169.
10. Федоров И.А. Синдром «варяжского сознания» в российском общественно-политическом дискурсе // Проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда: материалы X региональной научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2016 С. 6-11.
11. Хабермас Ю. Архитектура модерна и постмодерна // Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 32-54.

Socially-anthropological modernization imperative of modernization theory (Consideration of the human factor in conditions of modernization by German and Russian scientists)

Nataliya A. Dobryakova

PhD in Historical science, Associate Professor,
Department of social and political sciences,
Saint Petersburg State Forest Technical University,
194021, 5, Institutskii lane, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: doby1954@yandex.ru

Aleksandr Ya. Donin

PhD in Political science, Associate Professor,
Department of social and political science,
Saint Petersburg State Forest Technical University,
194021, 5, Institutskii lane, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alexander_donin@mail.ru

Abstract

The theory of modernization of a society includes two basic ideological components: maintenance of human rights and rationalization of a public life. In the end of XX century the theory of modernization of a society began to cause growing disappointment among citizens in the countries of the West. First of all it has been connected with difficulty of adaptation of people to too fast and diverse social changes. This phenomenon has pushed a number of scientists to reconsideration of temporal mode of the Modernist style. In the center of their attention there was a problem of correlation of the past, the present and the future during modernization. As a result two temporal theories of a so-called late Modernist style have been formulated: the theory of indemnification and the theory of memory. The attitude of citizen to the problem of correlation of the past, the present and the future will have values for the process of modernization and in modern Russia. However more important problem for the success of high-grade modernization in our country is the problem of acceptability for citizens of the social price of transformations. The respect for people and the development of human potential during modernization of a society are considered by many Russian scientists as necessary conditions of reforms. Only democratic processes and institutes can provide this. In the modern world all-round modernization of a society can be successful and strong only under condition of its orientation on realization of interests and requirements of the person.

For citation

Dobryakova N.A., Donin A.Ya. (2018) Sotsial'no-antropologicheskii imperativ modernizatsii teorii modernizatsii (Rassmotrenie chelovecheskogo faktora v usloviyakh modernizatsii nemetskimi i rossiiskimi uchenymi) [Socially-anthropological modernization imperative of modernization theory (Consideration of the human factor in conditions of modernization by German and Russian scientists)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (1A), pp. 195-204.

Keywords

Modernization, rationalization, social anthropology, temporal mode, development of the person, a society, sociopolitical processes, democracy.

References

1. Assman A. (2017) *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [The connection of times has disintegrated? The rise and fall of the temporal regime of modern]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
2. Gontmakher E.Sh. (2010) Zaklyuchitel'noe slovo [Concluding remarks]. In: *Modernizatsiya, avtoritarizm i demokratiya. Sbornik materialov konferentsii* [Modernization, authoritarianism and democracy. Collection of conference materials]. Moscow.
3. Grigorkina I.I., Donin A.Ya. (2005) *Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: istoriya, teoriya, real'nost* [The rule of law and civil society: history, theory, reality]. St. Petersburg.
4. Fedorov I.A. (2016) Sindrom «varyazhskogo soznaniya» v rossiiskom obshchestvenno-politicheskom diskurse [Syndrome "Varangian consciousness" in the Russian socio-political discourse]. In: *Problemy sotsiokul'turnoi i politicheskoi modernizatsii: chelovek, kommunikatsiya, sreda: materialy X regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of socio-cultural and political modernization: people, communication, environment: materials X regional scientific and practical conference with international participation]. St. Petersburg.
5. Habermas Yu. (2005) *Arkhitektura moderna i postmoderna* [Architecture of modernity and postmodern]. In: *Politicheskie raboty* [Political works]. Moscow: Praxis Publ.
6. Krasin Yu.A. (2015) Ideologicheskii plyuralizm i metaideologiya novogo gumanizma [Ideological pluralism and meta-ideology of the new humanism]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 1 (12), pp. 34-59.
7. Lantsov S.A. (2017) K voprosu o tekhnologicheskome sodержanii modernizatsionnogo protsessa v sovremennoi Rossii [To the question of the technological content of the modernization process in modern Russia]. In: *Problemy sotsiokul'turnoi i politicheskoi modernizatsii: chelovek, kommunikatsiya, sreda: materialy XI regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of socio-cultural and political modernization: man, communication, environment: materials of the XI regional scientific and practical conference with international participation]. St. Petersburg.
8. Tolstykh V.I. (2014) Kakaya modernizatsiya Rossii nuzhna i kakaya vozmozhna? [What kind of modernization is needed and what is possible?]. In: *Konsolidatsiya i modernizatsiya Rossii* [Consolidation and modernization of Russia]. Moscow.
9. Vorozheikina T.E. (2010) Illyuzii avtoritarnoi modernizatsii [Illusions of authoritarian modernization]. In: *Modernizatsiya, avtoritarizm i demokratiya. Sbornik materialov konferentsii* [Modernization, authoritarianism and democracy. Collection of conference materials]. Moscow.
10. Weber M. (2006) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. In: *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected: Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: ROSSPEN Publ.
11. Zagladin V.V. (2010) Avtoritarizm, demokratiya i vneshnie faktory modernizatsii [Authoritarianism, democracy and external factors of modernization]. In: *Modernizatsiya, avtoritarizm i demokratiya. Sbornik materialov konferentsii* [Modernization, authoritarianism and democracy. Collection of conference materials]. Moscow.